

Праздник на Гвадалквивире

Испанцы открыли монумент Колумбу под звуки «Эй ухнем!»

ДАЛЕКОЕ - БЛИЗКОЕ

В быстром темпе, в каком исполняются бурные танцы под шелканье кастаньет, услышал я на берегу Гвадалквивира триумфальный марш. Как только бронзовые трубы заиграли, мне невольно захотелось подпевать военному оркестру. Потому что слова давно были заучены мной наизусть, а еще более давно сочинены именно на эту громко зазвучавшую мелодию, только не здесь, где гремела музыка королевского оркестра, а в России, на реке Волге.

**Эй ухнем!
Эй ухнем!
Еще разик,
Еще раз!**

... Не счесть, сколько раз стучал в двери королей моряк, обуреваемый желанием достичь Индии. Король Португалии не предоставил ему кораблей и команды, не поверил в его мечту, дав настойчивому просителю от ворот поворот.

Еще раз появился одержимый идеей моряк во дворце кастильской королевы Изабеллы и ее мужа арагонского принца Фердинанда, тогда же пошел с протянутой рукой к банкирам и купцам, обещая проложить их товарам путь в сказочно богатую землю. И добился своего. Получил под свое командование три каравеллы, поднявшись с горсткой смельчаков на палубу флагманской «Санта Марии», за которой ушли в Атлантику каравеллы «Пинта» и «Нинья». Они поплыли от берегов Гвадалквивира, из Палоса, речной гавани Севильи. В октябре 1492 года моряки достигли Америки. Потеряв флагманский корабль, они вернулись домой с победой, а город получил у королей монополию на колониальную торговлю, разбогател, прославился университетом, художниками, кафедральным собором... Это открытие случилось, когда итальянцы строили наш Кремль и свободная Москва при Иване III стала великим княжеством...

Сегодня, когда экономгеографы пишут о Севилье, то акцентируют внимание на ее проблемах, называют Андалуссию чуть ли не колонией Испании. Но прилетев под своды громадного аэровокзала, светлого и чистого в отличие от сумрачного, замусоренного «Шереметьева», попадаешь в райский город, большой и радостный. Блуждая по лабиринту старинных улиц, шириной в четыре шага, в каждом храме встречая картины, место которым в музее, получаешь представление о знаменитой севильской школе живописи, связанной с именами Веласкеса, Сурбарана и Мурильо, первого президента академии художеств этого города.

Дважды в XX веке оплакиваемая чужими слезами Севилья становилась местом проведения всемирных выставок, первый раз в 1929 году, второй раз совсем недавно, в 1992 году. А наша Москва не смогла построить павильоны на Юго-Западе, не использовала однажды предоставленное ей право на такую выставку, с позором отказавшись от ранее данного миру обещания...

Но если выставка 1929 года располагалась в парке вблизи центра, то второй раз ей предоставили остров на Гвадалквивире, превратившийся после ее закрытия в музей современной архитектуры, опробовавший у берегов славной реки модели зодчества XXI века. В небо вздымаются башни, конусы, стеклянные купола, стены всех цветов и геометрических форм. Повис над водой стальной мост, зацепившийся ваннами за одну только вздыбленную опору.

Севилья не побоялась на почетном расстоянии от великой древней стометровой башни Хиральды и собора Нашей Богородицы девы Марии по проектам многих зарубежных архитекторов построить дворцы-павильоны всемирной выставки. Она же доверила иностранцу, что совсем паразитически, воздвигнуть монумент Колумбу, кажущийся издалека при приближении к нему собором, настолько он велик и завораживает эллипсоидной формой. Есть еще одно определение этой форме - яйцевидная, вполне применимая к данному объекту. Поскольку он представляет в увеличенном в тысячи раз виде легендарное «Колумбово яйцо», в споре, как гласит легенда, поставленное находчивым мореплавателем. Этот, казалось бы, курьезный эпизод в глазах соотечественников, обожающих всякие нестандартные решения, прославил моряка не меньше, чем его открытия.

Первый раз я увидел необыкновенную композицию ночью, когда к ней подкатили машины с испанцами и русскими, приехавшими из Москвы и Мадрида на праздник открытия монумента. Год назад на этом месте не было ни парка, ни изваяния. За одно лето высаженные на пустыре молодые деревья вытянулись, как подрост-

ки, покрылись шапкой вечнозеленых листьев. Но даже самым высоким пальмам не подняться вровень с поднятными в небо бронзовыми парусами «Санта Марии», «Ниньи» и «Пинты», образовавшими шатер над головой великого адмирала. Он стоит во весь рост, молодой и стройный, с картушем в руках, предстоящим географической картой, по меридианам и параллелям которой плывут три каравеллы.

Светила высоко луна, пытавшаяся рассеять мрак вокруг безлюдного пока района, предоставленного бронзовому обелиску. Но вдруг по чей-то команде зажегся свет под куполом статуи, и воздух огласился криками «Ура!», потому что свет и тени мгновенно сформировали на фоне звездного неба объемный образ, не похожий ни на одно изваяние мира. Любопытство им люди будут приходить и днем и ночью, как чудом, явлением искусства, хотя, казалось бы, прекрасную Севилью ничем после стометровой башни Хиральды не удивишь. Это было неофициальное открытие обелиска, ночной триумф, с поздравлениями и поцелуями, здравницами в честь автора, конструктора, строителей-испанцев, литейщиков-русских, молча взиравших на монолит, сформированный из двухсот пятидесяти фрагментов, прибывших сюда с берегов Невы. Из России в Испанию доставили морем тысячу тонн бронзы, меди и металла, талантом скульптора, расчетами конструктора, ставших монументом, который прибавит Севилье радости.

Утром предстояло официальное, расписанное как по нотам открытие с почетными гостями, речами, толпами народа и сочиненной по этому случаю музыкой, маршем «Эй ухнем», слушать который было невозможно без слез.

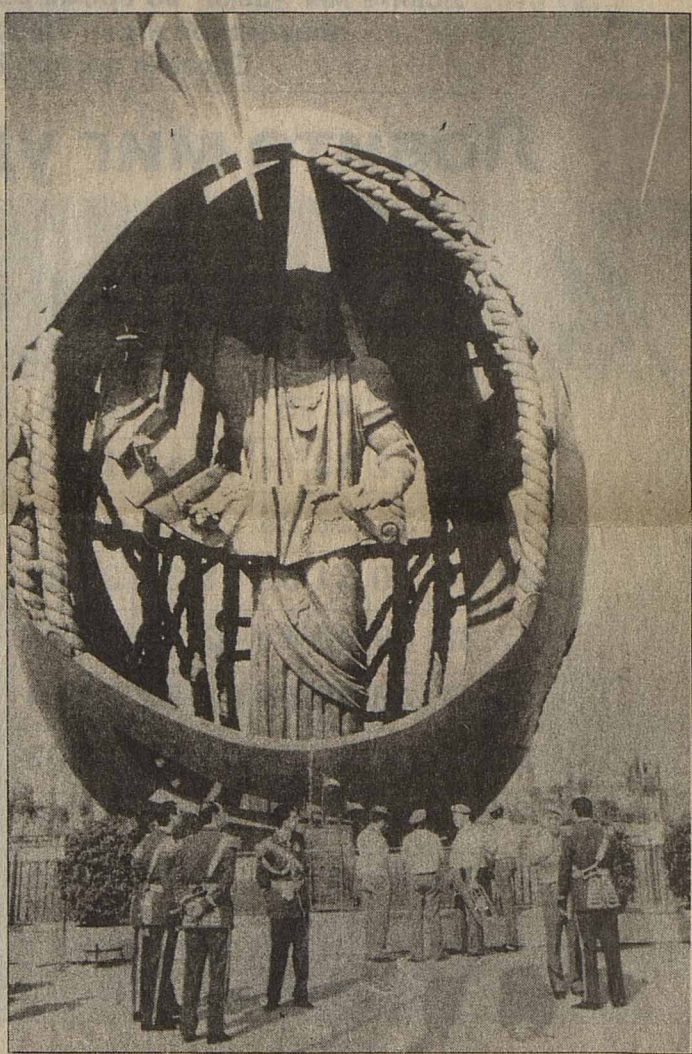
Слепило высоко поднявшееся к одиннадцати часам солнце, переменились с ноги на ногу лошади подвожуемых всадниками, оцепившими место действия. Выстраивались в почетный караул гвардейцы в голубых мундирах и золоченых касках, сверкавших, как купола кремлевских церквей. Народ, кто сидя на местах званых гостей, кто стоя за оградением, шумел и ждал инфанты, дочери короля Хуана Карлоса. Она появилась с королевской точностью под ликующие крики испанского «Ура!». В свите рядом с инфантой шествовал пожилой испанец, известный всей стране, потому что именно он являлся прямым потомком по мужской линии как раз того человека, чей монумент встал над берегом Гвадалквивира, равный по высоте многоэтажному дому.

Пятьсот лет тому назад предки этой молодой женщины, король Фердинанд и королева Изабелла, заключили капитуляцию, то есть договор, с предком этого благородного идиота, обещав ему в случае удачи задуманного рискованного предприятия титул адмирала и должность вице-короля всех открытых земель. Имя его по латыни Колумбус, по-итальянски, поскольку родом он из Генуи, Коломбо и по-испански Колон. А по-русски Колумб. Именно он вот уже пятьсот лет считается самым знаменитым испанцем, можно сказать даже, что является испанцем номер один, чья слава превзошла славу всех королей и художников, даже автора Дон-Кихота. Имя его знают школьники всех стран мира, поскольку Христофор Колумб открыл Америку.

Надо ли в этом репортаже напоминать, что значило для Европы открытия новых островов, земель, морей? С тех пор наш материк стал Старым Светом, дав импульс развития Новому Свету. Испания сформировала по своему образу и подобию Латинскую Америку, принесла сюда свой язык и культуру. Европейцы почувствовали себя на земле увереннее и сильнее, началась эпоха великих географических открытий. Эпоха Возрождения получила мощный интеллектуальный заряд, молодые европейцы мечтали вслед за Колумбом открывать новые земли, миры, прокладывать неведомые пути в науке. Именно тогда не только появился Новый Свет, но и родился Новый человек.

Так представляет роль в истории Колумба художник, который изваял в бронзе памятник, названный им «Рождение Нового человека», о чем можно отныне прочесть на бронзовой доске, где значится, что 9 октября 1995 года в присутствии инфанты состоялось его открытие. Еще переписал я с этой доски о скульптуре такие слова: «Передаю Россией в дар Испании».

Это не первый монумент в честь Колумба. По пути в Севилью, сделав остановку в Барселоне, я увидел известный памятник адмиралу, поставленный на площади Ворот мира, на семи ветрах Атлантики. Десять бронзовых львов окружают каменный пьедестал. Барельефы-картины с эпизодами из жизни адмирала, белокаменные изваяния королей, медальоны, фигуры



крылатых Слав - окружают высокую коринфскую колонну, над которой поднята на шестьдесят метров высветленная статуя. К ней можно подняться на лифте и увидеть с птичьего полета море и столицу Каталонии.

Еще одна моя встреча с Колумбом произошла в главном соборе Севильи, где на самом почетном месте находится гробница адмирала, превосходящая пышностью усыпальницу короля Альфонса X Мудрого, давшего испанцам первый свод законов в тринадцатом веке.

Четыре венценосца несут гроб адмирала и смещенного ими вице-короля, обесмертившего свое имя открытием Америки. Сколько раз за пятьсот лет пытались скинуть Колумба с пьедестала первооткрывателя, доказать, что до него прокладывали путь через Атлантику. Может быть, так оно и было, кораблям норманнов и других мореплавателей случайно, волею судьбы, удавалось переплыть океан и вернуться домой. Но только от Колумба европейцы узнали о Новом Свете, только после маршрута, проложенного из Севильи, началась сокрушительная ломка средневековых представлений о нашей планете, бурная колонизация Америки, чего потомки индейцев до сих пор прощают не могут адмиралу, противясь тому, чтобы на открытой им земле поднялся монумент отважному герою. В чем они нашли горячую поддержку у московского «Огонька» и других изданий, сочувствующих всяким меньшинствам от индейцев до лесбиянок включительно.

Вот почему к пятидесятилетию первой экспедиции Колумба вслед за Мадридом, Барселоной и Севильей установили монумент, который поднялся над рекой в нескольких километрах от Торре-дель-Орро, каменной башни, куда стекалось золото Америки, откуда вслед за Колумбом ушла к славе экспедиция Магеллана, совершившего первое в мире кругосветное путешествие. Многие ли адмиралам установили в России памятники? Кроме Севастополя, я их нигде не видел, да и этот город вроде как бы больше не наш по глупости кремлевских временщиков.

В октябре в Севилье жарко, как в Сочи в августе. Город под пальмами кажется курортом, утопающим в зелени парков. Большая вода от него далеко, километров за девяносто, там, где накаляются на берега Андалусии зеленые волны океана. Вечером, когда спадает зной, тысячи мужчин выбегают на улицы, заполняя толпами обширные парки. На часах - десять вечера, а народ трусит по дорожкам, даже за оградой парков вскрыт асфальт тротуаров, чтобы можно было бегать. Такого повального увлечения я не видел нигде, как и не слышал, что ночью в парках трубили в корнет-а-пистоны, маленькие трубы, и били в барабаны. Услышав гром оркестра, я поспешил на звук, опасаясь, что не успею к месту происшествия, что музыканты вдруг перестанут играть. Напрасно торопился, потому что и через три часа, когда я возвращался в гостиницу, десять бара-

банчиков и двадцать трубачей не прекращали соревноваться друг с другом. Сначала пели трубы, а потом на мелодию налетал шквал ритмов, напоминающих тот, в котором испанцы обрабатывали бурлацкую нашу песню «Эй ухнем!», превратив ее в бравадный марш, исполненный, как и гимн Испании, в начале и конце торжественной церемонии.

Да, под палящими лучами полудня играла музыка и звучали краткие, но жаркие речи. Под занавес инфанта вышла из-под шатра и встала перед объективами рядом с автором, протянув ему для пожатия руку. А потом приняла от него подарки - сверкающую модель монумента и картину Георгия Победоносца. И картина, и модель, и монумент выполнены одним художником, чье имя я называю первый раз - Зурабом Церетели. Тем самым, который недавно на Поклонной горе принимал приветствия глав государств и правительств по случаю созданного им памятника Победы. Что они тогда говорили, я не слышал, газеты об этом дружно промолчали.

Что сказала инфанта художнику, цитирую:

- Народ Испании признал и полюбил вашу скульптуру.

То была не дань вежливости, не дежурный комплимент, а мнение, сформировавшееся за то время, когда воздвигнутый монумент стоял на виду у всего города, ожидая с весны начала октября. Именно в эти дни Колумб открыл Америку.

Что ответил инфанте скульптор, тоже известно, свои слова он, разгоряченный словами и музыкой, повторил подоспевшему сотруднику ИТАР-ТАСС, застенкографировавшему в тетрадь:

- Я счастлив, что на родине Нового человека, в стране титанов, таких, как Веласкес, Эль Греко, Мурильо, Гауди, Пикассо, Дали, установлен мой монумент.

Самое главное, что народ его принял, как сказала принцесса. Это большое счастье для художника. Теперь в Америке пора установить монумент «Рождение Нового Света», также посвященный Колумбу.

Зафиксировал корреспондент и сказанные вслед за автором слова президента Российской академии художеств Николая Пономарева:

- Это выдающееся произведение, оно послужит мостом культуры между народами Испании и России, связующим звеном между прошлым и будущим на пороге XXI века.

Раскрыв на следующее утро в аэропорту испанские газеты, я увидел отчеты о празднике и снимки, сделанные у обелиска. Прилетев в Москву, просмотрел почти все газеты, не увидел ни строчки о церемонии в Севилье, как будто бы Россия каждый месяц дарит обелиски другим странам. Но это не так. Однажды Франция подарила Америке, городу Нью-Йорку, статую Свободы, что общеизвестно.

Я бы хотел, чтобы все знали и о том, что посчастливилось увидеть мне своими глазами.

Лев КОЛОДНЫЙ.

На снимке: монумент «Рождение нового человека». Скульптор Зураб Церетели.